

18+

ВИКТОРИЯ ИВИНА

Царский курган

Виктория Ивина
Царский курган

«Издательские решения»

Ивина В.

Царский курган / В. Ивина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678941-8

Шестидесятые годы двадцатого века. Главный герой романа студент Саша случайно на даче находит тайник с архивом своего дяди — профессора Томилина. Из него юноша узнаёт, что в июне 1941 года вместе с друзьями профессор отправился в Крым на поиски уникального скифского кургана. Однако экспедиция пропадает без вести. Теперь уже сам Саша собирает своих друзей для поездки в Крым. Он мечтает отыскать следы пропавшей экспедиции, а если повезёт, то найти Царский курган со скифскими сокровищами.

ISBN 978-5-00-678941-8

© Ивина В.

© Издательские решения

Царский курган

Виктория Ивина

© Виктория Ивина, 2025

ISBN 978-5-0067-8941-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Тайник на старой даче

Электричка остановилась на маленьком полустанке. Из её переполненного чрева на перрон высыпал пёстрый людской поток. Это горожане-дачники в раннее воскресное утро спешили на свои участки. Среди этой толпы были, и Саша с мамой. Наконец-то они выбрались из душного вагона и вдохнули свежего воздуха. К шестидесятым годам прошлого века дачи вновь стали весьма популярны. Большинство городских жителей мечтали о своих собственных шести сотках, где можно было бы отдохнуть вдали от городской суеты.

На таких маленьких полустанках электрички, обычно, останавливаются на пару минут, поэтому все стараются побыстрее покинуть вагон, а потом дальше бежать по своим делам. Саша и мама тоже не стали долго задерживаться на перроне, а сразу знакомой тропинкой направились в сторону своего дачного посёлка.

Идти по лесу было приятно. Весна уже полностью вступила в свои права. На деревьях, от лёгкого ветерка, трепетали молодые листочки, появилась первая необычайно яркая травка и дополняло эту безмятежную картину шумное птичье многоголосье. Саша шёл рядом с мамой и почти не слушал её, а она как бы сама с собой говорила о предстоящих делах:

– Ну, на конец-то выбрались. Всё заняты разными делами, а не успеешь оглянуться и лето придёт. А, в домике с осени не прибрано. Ты, Сашенька, полезешь на чердак, там столько разногохлама накопилось, нужно его перебрать и решить, что оставить, а что можно выбросить.

Саша лишь поддакивал маме в ответ, а сам погрузился в свои мысли. На лесной дорожке, по которой столько раз хаживали, хорошо думается о своём.

Так не спеша они добрались до дачного посёлка. Дальше прошли по узкой улочке, наконец показался знакомый деревянный забор, пришли.

Мама открыла калитку – вот она их земля. На дачном участке царил хаос. У них никак не доходили руки привести в порядок свои владения. Деревья стояли ещё не побеленные и не обрезанные, кустарники малины, чёрной и красной смородины, крыжовника – разрослись так, что заняли территорию, предназначенную под огород. В глубине этих «джунглей» красовался старенький одноэтажный домик. «Дом не велик, да сидеть не велит» – говорит старая пословица. Их дачный домик, действительно, был небольшой, но и с ним хлопот хватало. В домике была одна комната, кухня, а ещё веранда, в летнее время на ней накрывали стол и пили чай, прямо на свежем воздухе. Мама сразу взялась за работу. Она переоделась в лёгкий ситцевый халат, на голову, чтобы не запачкать волосы, повязала светлую косынку и стала похожа на молоденькую девушку. Со стороны, наверное, трудно было бы поверить, что у неё уже взрослый сын студент. Обычно она одевалась скромно и строго, а лёгкий светлый халатик делал её моложе. Первым делом мать взялась за окна, а потом стала перебивать полы и дачную мебель.

Саша тоже переоделся в старую рабочую одежду. Он поставил лестницу-стремянку поднялся наверх и через специальный люк залез на чердак. Здесь было царство пыли и старых,

давно забытых вещей. Ломанная мебель: стулья, табуретки, ветхая этажерка – всё это сильно загромождала проход. Связки ещё довоенных газет, журналов и ещё какие-то вещи лежали прямо на полу. Он не мало потрудился пока вытащил всё это с чердачного помещения. Старая мебель может пойти на дрова, да и газеты подойдут для растопки. Поэтому он снёс всё это к летней кухне. На чердаке сразу стало просторнее. Здесь оказалось ещё несколько пустых чемоданов, старинный, но поломанный глобус и облезлый, как и чемоданы, пустой сундук. Он аккуратно сложил всё это в уголке, освободил проход и смог подобраться к старинному шкафу. Этот шкаф, как и остальная дачная мебель, был в весьма плачевном состоянии, весь ободраный и облезший, но при этом достаточно крепкий, видно сделан он был на совесть. Размеров шкаф был внушительных, да ещё украшенный инкрустацией, вензельками и какими-то деревянными фигурками. Странно, что его вообще смогли затянуть на этот чердак! Скорее всего шкаф привезли на участок, когда строили домик, подняли на чердак, а потом доделали пол и люк. Саша открыл дверки этого «мебельного старичка». Внутри было пыльно и пусто. Молодой человек поочерёдно выдвигал то один ящик, то другой, но в них ничего не было. Он и сам не понял, как случайно нажал на какую-то фигурку, но шкаф вдруг закрипел и неожиданно, словно из неоткуда, выдвинулся ещё один ящичек. Это был тайник! От неожиданности юноша просто обомлел, но любопытство взяло верх, и Саша заглянул внутрь тайника. Там лежали толстая плюшевая папка и холщёвый мешочек. В мешочке были старинные, ещё царские, деньги, немного бумажных, а остальные монеты, а в папке хранились какие-то бумаги. Захватив свою находку он спустился вниз.

Мама уже вымыла окна и повесила лёгкие светлые занавески и сразу в комнате стало уютно.

– Мамочка, ты только посмотри, что я обнаружил! – срывающимся от волнения голосом произнёс сын. – Это клад: тут и старинные деньги, и ещё какие-то бумаги. У нас на чердаке был тайник!

– Тайник?! – переспросила мать.

Она присела на табуретку и с удивлением стала рассматривать его находку. Денег было негусто, бумажных – мало, в основном медяки и серебряные монеты, а вот папка! Мама развязала тесёмочки, раскрыла её. На внутренней стороне папки стояли инициалы: «Т.И.А.»

– Да, это же Ваничкина папка! – с волнением в голосе промолвила она.

Эти инициалы полностью соответствовали – Томилин Иван Александрович, это был мамин старший брат. Саша не помнил Ивана Александровича, так как сам родился в марте сорокового года. С началом войны мама вместе с годовалым сынишкой и со своей матерью, Сашиной бабушкой, эвакуировались из Ленинграда в Алма-Ату, а отец ушёл на фронт. Дядя Ваня перед самой войной уехал в Крым, и больше о нём не было ничего известно. По официальной версии он «пропал без вести». И вот эта папка!

Мама осторожно перебирала найденные бумаги. В папке хранились старые тетради, по видимому дневники, письма и ещё какие-то научные записи.

– Нам нужно внимательно всё разобрать и главное никому ничего не говорить, – промолвила она, – Слышишь, никому и ничего!

– Конечно, – согласился сын, – но почему такая секретность?

– По-моему за этой папкой кто-то охотился, – осторожно произнесла она и посмотрев на удивлённого сына добавила, – сейчас я расскажу тебе один очень странный случай.

Это произошло ещё в сорок седьмом году. Как-то раз к нам домой постучался один человек. Он представился корреспондентом из журнала «Наука и люди». Он объяснил мне, что их журнал популяризирует различные научные достижения, открытия, что бы было понятно простому человеку, а также рассказывает о жизни известных учёных. И, вот редакция журнала приняла решение опубликовать статью о профессоре Томилине. Я, конечно, обрадовалась, пустила гостя в дом, предложила чаю. Ещё бы, ведь с сорок первого года о брате ничего

не было известно. При таком раскладе любой информации будешь рада. Тогда мне казалось, что раз в журнале решили написать про Ивана, то им должно быть хоть что-то известно о его судьбе. Однако помочь мне журналист ничем не смог, он сам собирал информацию и стал активно расспрашивать меня о брате. Да только, и мне в свою очередь нечего было ему рассказать? Разве то, что брат был хорошим человеком, его все любили и уважали, а в его научных достижениях я мало разбиралась. Поэтому я посоветовала журналисту сходить в университет на кафедру. Там-то уж про научную деятельность брата было хорошо известно. Они могли поведать журналисту – чем занимался профессор Томилин. Однако, гость выслушал меня, но мои слова его явно не устроили, и он вдруг стал расспрашивать не остались ли у нас от брата какие-то записи, какие-то материалы о поездке в Крым. Только и тут мне гостя нечем было порадовать. Тогда журналист вдруг меня спросил: «Может в доме есть какой-то сейф или тайник, где могли бы храниться бумаги профессора?» Пришлось ему объяснить, что квартира, в которой мы сейчас живём, это не наше довоенное жильё. Мы вернулись в Ленинград из эвакуации в сорок пятом году и нам дали новую комнату в коммуналке. Дело в том, что во время войны в наш старый дом попала немецкая бомба и от него остались одни развалины. К сорок седьмому году эти развалины снесли и собирались на месте старого дома возводить новый. «Ах, какая жалость, какая жалость!» – поохал странный журналист. Он распрощался и пообещав мне прислать номер журнала со статьёй о брате.

Я сразу ничего не заподозрила, но обещанной статьи так и не дождалась. А, через некоторое время случайно на улице встретила старого Ваниного друга, тоже преподавателя университета. Повела я ему про странного визитёра и заодно поинтересовалась: «Не обращался ли к вам на кафедру этот журналист?» Ванин приятель выслушал меня и очень удивился. Он сообщил мне, что во-первых – такого журнала – «Наука и люди» не существует, а во-вторых на кафедру за информацией о профессоре Томилине никто не обращался. Ещё он просил меня ни с кем о брате не говорить, а если вопросы вдруг возникнут, то отправлять всех непрошенных «гостей» в университет, там с любопытным «товарищем» сами пообщаются. Вот такие дела, – закончила своё повествование мать.

– Зачем незнакомец мог охотиться за дядиными бумагами? – поинтересовался Саша.

– Мне кажется, – осторожно, словно мысли вслух, произнесла мама, – это связано со скифами, с каким-то скифским кладом, возможно скифским золотом.

– Со скифским золотом?! – удивился сын.

– Да, – подтвердила мама, – Иван занимался исследованиями этого древнего народа. Скифы хоронили своих умерших соплеменников в курганах, а чтоб тот в загробной жизни ни в чём не нуждался, они складывали в погребение немало разных вещей, в том числе и настоящих сокровищ. Особенно богатыми были захоронения знатных скифов. Я хорошо помню, как брат про это рассказывал.

– Мапочка, мне кажется, но ты ещё что-то не договариваешь.

– Мне нужно собраться с мыслями, – тяжело вздохнула мать. – Я уверена, что всё это связано с последней экспедицией брата, той самой из которой он не вернулся.

– В, этих старых записях без помощи специалиста нам не разобраться, – рассматривая свою нечаянную находку, произнёс сын. – Может показать эти записи тому самому другу дяди Вани, который рассказал тебе, что журналист какой-то чудной, а издания «Наука и люди» не существует.

– Ах, Сашенька, это невозможно, так как этот человек пару лет назад умер и обратиться нам теперь не к кому. В добавок ко всем этим скифским тайнам меня ещё озадачил вопрос незнакомца про Марию Сергеевну. Никакой журналист знать про эту женщину ничего не мог. Правда напрямую он не спрашивал, вопросы были такими общими, но я догадалась, что этому человеку что-то известно, однако виду не подавала и претворилась, что вопросы о личной жизни брата мне не понятны.

Саша впервые услышал имя Марии Сергеевны, но мать не стала томить и рассказала, что Мария Сергеевна или просто Машенька – была невестой Ивана Александровича. В 1918 году вместе со своей семьёй она уехала из Петрограда в Крым, а затем оказалась в эмиграции.

Естественно, в семье старались не упоминать это имя. В тридцатые годы иметь друзей или родственников, проживающих за рубежом, было весьма опасно.

2

«Печальный Арлекин»

В 1917 году в России, впервые, женщинам разрешили поступать в высшие учебные заведения. Позади остались все сомнения. С началом нового учебного года в коридорах Петроградского университета появились барышни—студентки. Старые преподаватели недовольно вздыхали, а студенты искренне радовались такому новшеству. Студенток было мало, это были первые «ласточки» долгожданной эмансипации.

К этому времени Иван Александрович уже был молодым преподавателем на историческом факультете.

Как-то раз он шёл по длинному университетскому коридору. Погружённый в свои мысли он ничего вокруг не замечал, как вдруг перед ним возникла стройная женская фигурка. По тому же коридору шла молодая девушка в скромном сером платице. В глаза сразу бросился не только изящный стан девушки, но и длинная тёмно-русая коса. Она несла большую стопку книг и не удержала их в руках, книжки упали на пол. С неожиданной для себя резвостью, опережая студентов, Иван подскочил к барышне и стал помогать собирать книги. От такой неожиданной помощи девушка смутилась и её щёчки стали пунцового цвета.

– Спасибо, – негромко произнесла она.

– «Слово о законе и благодати», – прочёл он на обложке упавшей и поднятой им книжки, – это же середина одиннадцатого века! Вы учитесь на нашем историческом факультете?

– Я с филологического, – ответила девушка и ещё больше смутилась.

Конечно, существовал свой этикет знакомств. Просто так познакомиться с барышней на улице или в ином общественном месте было нельзя, но у студентов всё проще. Иван Александрович проводил студентку до библиотеки, именно туда она несла свои книги. Так они познакомились. Молодые люди стали общаться, потом встречаться и вскоре поняли, что их свела сама судьба. Они полюбили друг друга.

Новую знакомую звали – Марией Сергеевной. Барышня, как говорили в ту пору, была из приличной семьи. Отец Машеньки служил чиновником высокого ранга. Сама девушка окончила с отличием гимназию и рассчитывала продолжить обучение на женских Бестужевских курсах. Однако, перемены, принесённые Февральской революцией, привели любознательную красавицу прямо в университет на филологический факультет!

Осенью 1917 года Петроград гудел от революционных событий, но в то же время своим чередом шла обычная человеческая жизнь. Работал синемаграф, распахивали для гостей свои двери кафе, рестораны, появилось множество новых авангардных театров.

Вечер. На улице холодно и небезопасно, но молодым так хочется побыть вдвоём без строгих родительских взглядов. Иван Александрович и Мария Сергеевна не спеша шли по улице.

– Посмотри, Ванечка, какая интересная вывеска, – первой заметила Маша и тут же её прочитала: – «Печальный Арлекин». Странная надпись если учесть, что в знаменитой троице Арлекин, Коломбина и Пьеро за грусть и слёзы «отвечает» Пьеро, а вот задача Арлекина веселить публику. Он грубиян, дебошир и его шуточки часто на грани приличия.

– Сейчас всё смешалось и чем больше абсурда и нарушения правил, то тем лучше. Тебя же не шокировало название кафе «Подвал Бродячей собаки».

– В «Бродячей собаке» выступали самые модные и талантливые поэты, – отметила Маша, – а «Печальный Арлекин» это всё равно что: чёрный сахар или белый уголь.

Иван рассмеялся над замечанием своей подруги и предложил:

– Давай оставим критику и зайдём в «Печальный Арлекин», возможно там тоже неплохо.

Маша согласилась. Они не спеша спустились вниз по крутой лестнице, так как кафе располагалось в подвале. В этом заведении, как в своё время в «Подвале Бродячей собаке» собиралась творческая публика: поэты, писатели, журналисты, актёры, музыканты, заходили художники. И хотя над входом не висел плакат с несколько высокопарной надписью: «Все между собой считаются знакомыми», – но в заведении была непринуждённая и весьма приятная обстановка и даже создавалось впечатление, что тут, действительно, все друг с друга хорошо знают.

Едва они оказались в зале, к ним подошёл официант и провёл к свободному столику, хотя последних было совсем немного. В Печальном Арлекине былолюдно, народ сюда явно заходил.

Машенька огляделась вокруг. Обстановка была не богатой, но яркой. На стенах висели плакаты с весьма претензионными высказываниями в духе времени: «Поэт свободен, но голоден, а если сыт, то не поэт!», – какие-то бытовые вещи, место которым на кухне или ещё не бог весть где, но не в качестве декора стен. Зато её поразил роскошный тёмно-бордовый занавес, больше подходящий для Мариинского театра.

Едва они уселись за свой столик, как этот самый бархатный занавес открылся и на сцену вышли три молодые грации. Все три девицы были жгучими брюнетками, кроме этого у них были одинаковые стрижки и экзотичные наряды, но более всего в глаза бросались красные чулки на стройных ножках и ботиночки, такие раньше носили гимназистки. Правда у артисток из «Печального Арлекина» ботинки были необычного ярко-зелёного цвета.

Заиграла музыка, девицы запели. Грустная песня про осень, дождь, улетевших в тёплые страны птиц – разрывала сердце слушателям. При этом девушки так изящно в такт музыки двигались по сцене, так грациозно то сплетались, то разрывались их руки, что создавалось впечатление какого-то мистического действа. После выступления благодарные слушатели устроили настоящую овацию молодым исполнительницам.

Тем временем официант принёс их заказ. Нужно заметить, что кухня заведения была значительно скромнее, заявленных претензий «Печального Арлекина», однако трудные времена снизили запросы посетителей. «Рябчиков жуй» – это уже в прошлом. Впрочем, публика, собиравшаяся в литературном кафе, больше жаждала «зрелищ», чем «хлеба».

В переполненном зале яблоку было негде упасть, но Иван и Маша словно не замечали остальных посетителей, им было хорошо вместе. Они сидели за столиком вдвоём, смотрели друг на друга, он улыбнулся ей: «Что ж давай приступим к трапезе, отведаем чем же тут потчуют». Она улыбнулась ему в ответ и кивнула головой, мол давай отведаем.

Несколько дней тому назад Иван Александрович набрался смелости и попросил руки Марии Сергеевны у её родителей. Последние поахали, поохали, мол такое время беспокойное, но сказали, что счастье дочери для них – самое главное и дали согласие на брак. Молодые оказались на «седьмом небе» от радости, но этикет требовал соблюдения всех правил. После того, как юноша попросил у родителей девушки её руки, шла помолвка, должно было пройти время и лишь потом можно было идти венчаться в храм. Хорошо было то, что теперь, как официальные жених и невеста, они могли проводить время вместе: гулять, беседовать, посещать общественные места.

Тем временем на сцене литературного кафе шло своё действо. Изящных граций сменил молодой поэт. Он страстно читал свои стихи. В них он сравнивал Россию с паровозом, который сорвался с места и несётся по рельсам набирая скорость, а тормоза его отказали. В стихотворении было много эпитетов, сравнений, но главным – была надежда, что в новом восемнадца-

том году «паровоз» остановится и всё нормализуется. Извечная мечта о мире и покое среди войны и хаоса!

– Браво! Браво! – закричали и захлопали автору немногочисленные слушатели, но основная часть гостей кафе была увлечена собственными делами: кто тихо беседовал, кто бурно спорил, а кто-то просто ужинал, ведь на то оно и кафе.

– Ничего не понимаю, – вдруг сказал Иван Александрович, – ну что это за стихи!

– Стихи современные, – ответила Маша, – так сказать на злобу дня.

– Ну, почему раньше писали так красиво, а сейчас вот такое, – не унимался Иван Александрович.

– Литература отражает жизнь, так вот какова наша реальность – такая и литература. Новое время диктует новые требования ко всему, в том числе и к прозе, и к поэзии. Сейчас одних стилей сколько появилось! Только подумай: акмеисты, символисты, имажинисты, – произнесла Маша, – а ты хочешь, чтоб все писали, как Пушкин, Лермонтов!

– Как по мне, то Пушкин, Лермонтов, – это лучшее в нашей литературе.

– Мне тоже эти поэты нравятся, но как будущий филолог я признаю, что поэзия не стоит на месте, а тоже меняется, ищет новые формы, хотя в этом стихотворении каких-то новых форм я не вижу, – призналась Машенька. – Это вообще неудачное решение выпускать на сцену поэта после таких ярких барышень. Поэзию нужно внимательно слушать, а тут такой шум стоит!

Она была безусловно права. В зале стоял гул от разговоров за столиками. Посетители, возбуждённые тремя красотками, плохо слушали выступающего, разве что поклонники автора у самой сцены восторженно внимали словам своего кумира. Окинув зал внимательным взглядом молодой поэт сменил тему выступления. Он вздохнул, собрался с силами и стал читать новое стихотворение. Этот «шедевр» был посвящён таинственному кургану, возведённому по приказу какого-то древнего царя. В этом кургане были спрятаны несметные сокровища. «Давным-давно забыты имена, строителей и грозного царя», – вещал со сцены поэт и дальше он «рассказывал» своим почитателям, что этот самый курган стоит, там – где его возвели, и продолжает хранить свою тайну.

Прочитав эти строки поэт поклонился публике и ушёл со сцены.

– А, это очень неожиданно, – произнёс Иван Александрович, – знаешь, когда-то я уже слышал про некий древний курган, полный тайн и сокровищ.

– О чём это ты, Ванечка? – спросила невеста.

– Это было давно. Один человек при этом, не связанный с наукой, мне рассказал, что в Крыму есть скифский курган, хранящий в себе несметные богатства и некие загадочные артефакты. Правда, я тогда не поверил рассказчику. Ну мало ли что люди говорят! И вот этот молодой поэт в своём стихотворении тоже повествует про такой курган. Может мне пригласить его за наш столик и поговорить? – спросил он у Маши, хотя в каком-то разрешении вроде бы и не нуждался

Мария Сергеевна утвердительно кивнула головой, мол приглашай, так что сказано – сделано. Впрочем, это оказалось совсем несложно. Приглашать творческие личности за свой столик в литературном кафе было принято.

Молодой поэт успел переодеться. Он сменил ярко-жёлтую свободного кроя блузу и малиновый бант на вполне приличную одежду.

Иван Александрович представился сам и представил свою невесту. В ответ поэт назвал своё имя:

– Меня можно звать – Валентином, да просто по имени без отчества, я свободен от таких условностей. И так, вы хотели со мной поговорить? Вам понравились мои стихи?

– Вы интересно пишете, – дипломатично ответил Иван Александрович, – но особо нас заинтересовало последнее стихотворение.

– Ох, – тяжело вздохнул молодой поэт, – именно это стихотворение не моё. Я прочёл его не как автор, а как чтец, декламирующий с выражением со сцены чужие стихи.

– А, чьё же это стихотворение? – поинтересовалась Мария Сергеевна.

– Это стихотворение Грибоедова! – ответил юноша.

– Не может быть! – воскликнула Маша, – это стихотворение не соответствует стилю автора «Горе от ума».

Молодой человек усмехнулся, как бы предвидя такую реакцию.

– Давайте, я расскажу вам историю своей семьи, а вы уже сами решите принадлежит ли это стихотворение Грибоедову или нет.

Такая открытость обескуражила Ивана и Машу. Но, так как молодой поэт отметил, что он не признавал никаких условностей и был свободен от сложившихся в обществе традиций, то почему бы не послушать его историю?!

– Мои родители проживают в Симферополе. В этом году я окончил симферопольскую мужскую гимназию и так как сочинительством увлекаюсь с детства, то решил покорить столицу и отправился в Петроград. Однако, время оказалось весьма неудачное. У вас тут очередная революция и мне, скорее всего, придётся вернуться домой, – сказав это поэт тяжело вздохнул, но не стал углубляться в политику, а продолжил свой рассказ: – Теперь ближе к интересующей вас теме. Эта история началась во времена правления Екатерины Второй. Мой далёкий предок был из знатной дворянской семьи, но совсем обедневшей. Путь таким как он, молодым и амбициозным людям, был в армию, где можно было либо голову сложить на поле брани, либо дослужиться до высоких чинов и благополучия. Этот юноша был неробкого десятка, пошёл служить в армию и участвовал в Крымской компании. Он проявил себя отважным офицером и после присоединения полуострова к Российской империи, вышел в отставку, получив земельный надел на полуострове. Ему повезло с женитьбой. Отставной офицер взял за себя девушку с хорошим преданным, которое оказалось весьма кстати. На него построили барский дом, а остальные средства вложили в обустройство поместья. Так некогда обедневший дворянин стал весьма зажиточным Таврическим помещиком. После смерти моего героя, поместье перешло по наследству его старшему сыну, а тот в последствии передал имение своему сыну. Так и повелось в нашей семье. Сейчас имение принадлежит старшему брату отца, моему дяде.

Теперь я подойду к истории знаменитого писателя. В 1825 году в Крым приехал Александр Сергеевич Грибоедов. Он провёл на полуострове около трёх месяцев, где-то с середины июня по середину сентября. За это время он объездил наш край вдоль и поперёк: поднимался на вершины, в частности на Чатыр-Даг, спускался в пещеры (посетил пещеру Кизил-Коба), побывал во многих крымских городах. Первоначально Александр Сергеевич прибыл в Симферополь, но во время своих странствий не обошёл своим вниманием такие города как: Севастополь, Бахчисарай, Судак, Гурзуф, Феодосию, Алушту, Карасубазар, иные крымские поселения.

Так случилось, что во время своих путешествиях Грибоедов заехал в то самое имение и оказался гостях у моего прапрадеда. То ли непогода заставила поэта искать пристанище, то ли какая-то оказия случилась в пути. Характерной чертой моих предков было – гостеприимство. Гостя встретили доброжелательно, оказали достойный приём, дали ночлег. В благодарность за это он рассказал занимательную историю, произошедшую с ним во время путешествия. Якобы ему повстречались люди, которые представились, как хранители древнего скифского кургана, в котором были спрятаны несметные сокровища. Кроме золота там хранится и так называемый – «Камень власти», представляющий собой необычайный по красоте, весьма большого размера чёрный алмаз. Так вот писатель уверял, что лично побывал возле этого кургана. Под впечатлением от увиденного он и сочинил этот стих, а потом написал его в альбом младшей дочери доброго помещика.

Ещё будучи ребёнком, я сам читал это стихотворение в тётушкином альбоме. Правда, сама хозяйка альбома к этому времени уже умерла. Но, моя бабушка уверяла, что именно сам

Грибоедов оставил эти строки на память нашей родственнице. Под стихотворением в альбоме нет подписи, лишь стоит дата, но многие в нашей семье считают автором строк – Грибоедова.

Валентин окончил свой рассказ и как раз вовремя, так как его тут же позвали за соседний столик, в шумную компанию. Он попрощался со своими собеседниками и удалился.

– Ваня, подскажи мне, что это за «Камень власти», я впервые про такой слышу? – с удивлением спросила Мария Сергеевна.

– Это просто сказка, древняя легенда и не более, – ответил ей Иван, а если подробнее, то послушай. – Некогда жил великий воин и герой – Гильгамеш. Он путешествовал и совершил подвиги. Так вот однажды во время своих странствий он повстречал неких жрецов. Они подарили Гильгамешу пять волшебных камней. Первый из пяти – это зелёный камень – изумруд. Он дарует своему хозяину отменное здоровье и долгую жизнь. Второй камень красный – это рубин. Он дарит своему обладателю страстную любовь. Третий камень синий – сапфир, он отвечает за мудрость. Следующий камень – алмаз. Этот приносит богатство, человек имеющий его у себя никогда не будет ни в чём нуждаться. Но есть ещё один камень. Это тоже алмаз, только чёрного цвета. Тот, кто будет им обладать получит неограниченную власть, поэтому его так и называют – «Камень власти». Гильгамеш хранил подарок жрецов у себя, а после его смерти, камни достались его наследникам. Правда, говорят, что в итоге камни были разделены и в связи с этим, сила их действия стала слабее, чем, когда они были все вместе. А ещё есть такое предположение, что во время своих воинственных походов какие-то из камней вместе с другими трофеями, забрали себе скифы.

– Какая красивая легенда! – восхитилась рассказом своего жениха Маша.

– Да, сказка хорошая, но нам пора.

Иван Александрович и Мария Сергеевна допили свой кофе и покинули артистическое кафе.

На улице было прохладно. С Невы дул сильный ветер. Машенька подняла меховой воротник своего пальто.

– Ванечка, что ты думаешь, про сам курган, этот поэт рассказал нам правду или это тоже вымысел? – спросила она.

– Ты же сама заметила, что стиль стихотворения не соответствует стилю, которым написано «Горе от ума». Может быть какой-то местный стихотворец, некий Петрушкин или Морковкин написал барышне стихотворение в альбомчик, а та, чтоб добавить себе значимости, приписала авторство Грибоедову. – Пошутил Иван Александрович.

– В 19 веке, многие известные поэты не считали зазорным писать стихи в дамские альбомы. Пушкин так вообще любил дарить светским дамам свои произведения. Благодаря этому сохранилось много стихов поэта. Вот читаешь сборник его стихов и видишь в заглавии: «Из альбома такой-то, или стихотворение посвящено такой-то, – заявила она. – Впрочем мне интересно совсем другое. Возможно ли, чтоб в Крыму был такой курган? Могли ли скифы оставить после себя столько сокровищ?

– А, вот это вполне возможно! – ответил своей невесте Иван Александрович. – В 1830 году в окрестности Керчи было найдено удивительное захоронение в кургане Куль-Оба. Это было погребение знатного скифа, возможно даже царя. На его голове был надет традиционный скифский головной убор – остроконечная войлочная шапка-башлык с нашитыми на неё золотыми бляшками, а поверх неё была надета драгоценная диадема. На шее красовалась золотая гривна весом почти полкилограмма, концы её украшали фигурки скифских всадников. На каждой руке усопшего воина были золотые браслеты.

В захоронении было найдено много оружия. Это и железный меч-акинак с обложенной золотом рукоятью, ногой, горит (футляр для лука), покрытый золотой пластиной с изображением животных, оселок в золотой оправе, золотая чаша – фиала.

Вместе с воином была погребена женщина, возможно это была его жена. Вся одежда последней была расшита золотыми бляшками. На голове красовалась диадема из сплава золота и серебра с крупными золотыми подвесками. У дамы были ажурные серьги, на шее – гривна с концами в виде львиных голов и ожерелье, на запястьях браслеты и это всё это из чистого золота. Среди вещей погребённой было бронзовое зеркало с обложенной золотой фольгой ручкой и выполненный из сплава золота и серебра шаровидный кубок с изображением эпизодов скифского эпоса.

Кроме этого в могильнике были захоронены конь воина и слуги, а также богатая утварь: бронзовые котлы с костями барашка, это были следы поминальной трапезы, а ещё два серебряных позолоченных таза с набором ритуальной посуды, амфоры, в которых когда-то находилось вино.

Из-за того, что со свода гробницы во время раскопок рухнуло несколько плит перекрытия, работы на время были приостановлены. Этим воспользовались грабители. Они проникли ночью на раскопки, вскрыли пол гробницы и обнаружили тайник, содержащий множество украшений. Количество драгоценностей, найденных грабителями, было так много, что часть их распродали на чёрном рынке. Многие керченские дамы щеголяли в золотых колечках, серёжках и браслетах из Куль-Обы. Правда, несколько вещей из захоронения у грабителей удалось выкупить. Одно из них – золотая бляха в виде оленя.

В 1890 году близ Симферополя был открыт Золотой курган. Это название не случайно. В захоронении оказался просто роскошный набор богато отделанного оружия. По-видимому, это было захоронение знатного воина. На шее покойника была надета массивная золотая гривна, деревянный колчан для стрел украшала бронзовая фигура львицы, обтянутая листовым золотом, плюс множество других сокровищ.

Ещё одно богатое погребение знатного скифского воина было обнаружено в прошлом веке. Это Акмечетское захоронение. Наряду с оружием в гробнице были найдены четыре золотые пластины – украшения от несохранившейся деревянной чаши.

Наиболее богатые, так называемые «царские» курганы относят к четвёртому веку до новой эры. В таких курганах хоронили представителей скифской знати. Именно в них находят много драгоценных золотых вещей. К этому периоду относится особо пышное захоронение, раскопанное в 1891 году и тоже близ Симферополя – Талаевский курган. Как и в тех курганах о которых я рассказывал ранее, так и в этом – у воина были найдены: золотая гривна, золотые и серебряные кольца, богатое вооружение и многое другое.

Вот такая история. И это я рассказывал так навскидку, по памяти. А, вообще в Крыму было найдено множество курганов, возможно не такие богатые как Куль-Оба, Золотой или Талаевский, но с точки зрения науки тоже очень интересные.

– Значит, возможно это правдивая история. Вот бы поехать в Крым и отыскать этот уникальный курган с несметными сокровищами! – вздохнула Машенька.

– Ну, какие сокровища, какая экспедиция! Время то какое! – тяжело вздохнул Иван Александрович, – мы не знаем, что с нами будет завтра, что будет с нашей Россией! Тут не до скифских захоронений.

– Ах, я совсем про всё забыла, так увлеклась этой интересной историей, – призналась Мария Сергеевна, – да, нынче не до того.

Молодые люди и в самом деле так увлеклись разговорами, что не заметили, как возле них притормозил извозчик:

– Эх, господа хорошие! Что ж вы в такое время гуляете! Нынче ведь беспокойно, даже днём на улице разденут, разуют, ограбят, а то и зарежут. Сколько случаев по городу. Лучше присаживайтесь, вмиг домчу до дому!

– А, ведь он прав, – согласился с возницей Иван Александрович, – давай сядем, время позднее и в городе небезопасно.

Они сели в коляску и быстро оказались на месте. Родители уже волновались за молодых и очень обрадовались, когда увидели дочку и её жениха живыми и здоровыми. В Петрограде стало беспокойно. Иван Александрович раскланялся с родственниками своей невесты, у ворот его ждал всё тот же извозчик. Без всяких задержек молодой человек добрался домой, а там его уже ждала мама. Софья Иннокентьевна тоже очень волновалась за сына и была несказанно рада его возвращению.

3

Иван Александрович

По дореволюционным временам семья Томилиных считалась среднего достатка. Глава семьи – Александр Львович был чиновником, служил Российскому государству. На заработки отца семейство и существовала. Это позволяло держать кухарку, горничную и няню для младшей дочки. У Томилиных было небольшое имение – приданное Софьи Иннокентьевны. Туда обычно ездили на лето, отдыхать на природе подальше от шумного Санкт-Петербурга.

Когда юный Ваня с золотой медалью окончил гимназию – собрали семейный совет. Юноша мечтал изучать историю. Александр Львович гордился успехами своего отпрыска и поддержал сына. Было решено, что Иван поедет на учёбу в Германию, в Гейдельберг.

Гейдельберг – один из старейших городов Германии, расположенный на северо-западе земли Баден-Вюртемберг. Тех, кто впервые посетил этот город, приводили в восторг его архитектурные изыски: здания, построенные в Средние века, настоящие рыцарские замки, старинные храмы.

Под стать городу был и местный университет, основанный ещё в четырнадцатом веке с соизволения папы римского. В своё время тут преподавал сам Гегель. Благодаря свободе, демократическим принципам, как говаривали в девятнадцатом веке – особом духе Гейдельберга, университет был весьма популярен среди российской молодёжи.

Ивану повезло, он поступил в выбранный ВУЗ и впервые оказался вдали от дома, и своих близких. Первые месяцы учёбы стали непростым испытанием для новоиспечённого студента. Он очень скучал по родным, а потом привык. Шумная студенческая жизнь затянула в свой водоворот. Прибывшая из России молодёжь, не взирая на факультеты, на которых учились, дружили между собой и как могли поддерживали общение.

По вечерам они любили собираться в небольших погребках, где подавали блюда национальной немецкой кухни и пиво. Ваня раньше никогда не пил алкогольные напитки, даже пива, поэтому ему всё было в диковинку.

Но время шло, он привык к новой жизни, к шумным друзьям и даже к хмельному напитку, который внешне напоминал любимый хлебный квас.

А, ещё у него появился весьма странный приятель – Густав Мюллер. Невысокого роста, худенький и весь какой-то невзрачный молодой человек был из обрусевших немцев. Ещё в первой половине девятнадцатого века его предки перебрались на российские просторы в поисках лучшей доли. И вот через столько лет Густав решил вернуться на свою исконную родину и начал с того, что решил отправиться на учёбу в Германию. Он свободно, без акцента, говорил на родном немецком языке и на русском. Может быть поэтому немецкие студенты не признали в нём своего, и он «прибился» к Ивану.

– Почему, ну почему они меня не считают немцем? – жаловался он.

– Не переживай, – сочувствовал однокурснику Иван, – поверь мне – ты настоящий немец, а на русского совсем не похож.

– Почему же они так со мной?

– Вот поживёшь тут, пообвыкнешь и они тебя примут в свою компанию, обязательно примут, – жалел нового знакомого Ваня.

И вот вечер. На улице зажгли газовые фонари, а студенты собрались поужинать в небольшой харчевне.

В зале горят свечи, коптят лампы, электричества ещё нет. Простые деревянные столы и длинные лавки. Студенты из России сидят отдельно за своим столом, у немецких студентов своё братство, один бедный Густав, покрутившись между двух столов, подсаживается поближе к Ивану. На столе нехитрая снедь: тушённая капуста, сосиски и, конечно, пиво. Еда очень простая, но вкусная и сытная, настроение у всех отличное. Молодость прекрасная пора, студентам весело, они поют, стучат пивными кружками и уплетают аппетитные сосиски.

«...Гаудеамус игитур,

Ювенес дум сумус!» – запели российские студенты на латыни. Это слова из международного гимна студентов, их знают все. «Веселитесь юноши, пока есть у вас сила. После юности хмельной, после старости седой, встретит вас могила,» – уже на русском языке продолжили напевать российские студенты. Песню лихо подхватили за соседним столом. И вдруг происходит чудо. Стёрлись границы, они перестали чувствовать национальную разобщённость, возникло единение, некое общее студенческое братство. Немецкие студенты позабыли свои чопорные манеры и радостно закивали головами, продолжая напевать студенческий гимн. В эти мгновения им всем казалось, что новый двадцатый век принесёт человечеству только прогресс, материальные блага и удивительные открытия по разным научным направлениям. Будущие историки мечтали податься в археологи и по примеру Шлимана, как минимум каждый, собирался отыскать свою Трою. Биологи и химики бредили своими открытиями, а математики и физики, кажется вообще собирались «перевернуть» весь известный мир. Ах, какое это было прекрасное время!

Но, для Ивана удалая студенческая жизнь Гейдельберга закончилась в феврале 1911 года. Он получил известие из Петербурга с трагической вестью – скончался отец. Молодой человек взял отпуск от учёбы и помчался домой. На похороны он, конечно, не успел, путь из Германии на родину был неблизкий.

Приехал он уже после похорон, ближе к девятому дню после смерти родителя и в первые мгновения не узнал мать. Софья Иннокентьевна совсем потерялась, всё время плакала и очень обрадовалась возвращению сына. Он старался поддержать мать и младшую сестрёнку. Старался быть рядом, помогать им, чем только мог.

Прошло сорок дней со дня смерти отца, и он засобиравшись обратно в университет. Нужно было окончить курс, а после Иван планировал перевестись в Петербургский университет. Учиться за границей было дорого и без кормильца очень сложно, да и матери была нужна опора.

После сдачи летней сессии, Иван Александрович забрал документы из ВУЗа, тепло попрощался с однокурсниками.

– Крепись и держись, – поддержали его друзья.

– Ты добрый человек и тебя здесь будет не хватать, – сказал на прощание Густав Мюллер.

– Вы очень талантливы, не оставляйте учёбу. Из вас в будущем может получиться хороший учёный, – посоветовал старый немецкий профессор.

Учёбу Иван не бросил, а перевёлся в Петербургский университет, а в 1913 году закончил обучение и блестяще защитился. Вполне естественно, что его оставили на кафедре, и он с головой ушёл в научную работу. Он так увлёкся темой своей диссертации, ранним средневековьем, жизнью скифов и сарматов, что не заметил того, что реальная жизнь уже давно пишет свою, совсем новую историю. Первого августа 1914 года началась война с Германией, которую впоследствии назовут Первой Мировой или Империалистической, а в 1917 на их головы «свалятся» две революции. Но, среди этого исторического безумия самым главным станет – любовь, встреча с Марией Сергеевной или по-простому его дорогой Машенькой. Случайное

знакомство в университетском коридоре перевернёт всю его жизнь. А что может быть сильнее и прекрасней любви?!

4

Новые и старые друзья

Вернувшись с дачи домой Саша засел за дядины бумаги. Тут был небольшой дневник, письма, какие-то научные записи. Что он знал о своей семье? Оказалось – далеко не всё. Когда началась Великая Отечественная война ему было чуть больше года. Отца сразу же призвали в армию, он ушёл на фронт, а они оказались в эвакуации в Алма-Ате. Матери пришлось выйти на работу, а Софья Иннокентьевна нянчила внука.

В середине 1943 года в дом постучалась беда, пришла «похоронка» на отца. Саша был очень мал и не помнил то время, но он слышал от соседей, как после горького известия, сильно плакала мать. Софья Иннокентьевна как могла успокаивала дочку и всё причитала: «Мне Господь послал удел вдовы и надо же, у дочери такое же горе. Ты поплачь, Леночка, легче станет». Елена Александровна плакала, но слезами горю не поможешь. Она смирилась с этой потерей и стала жить для любимого и единственного сына. Но, это горе оказалось не единственным. В сорок четвёртом году не стало бабушки. Софья Иннокентьевна родилась и всю жизнь прожила в Санкт-Петербурге. Климат Алма-Аты ей совсем не подходил. Когда она заболела, то потихоньку лечилась сама, долго скрывала хворь от дочери, мол той и так тяжело, осталась одна с маленьким ребёнком на руках. Когда самолечение не помогло – бабушку положили в больницу. Однако, время было тяжёлое военное, в больнице не хватало лекарств. Смерть Софьи Иннокентьевны стала очередным ударом для дочери.

– Ох, сыночек, – тяжело вздыхала она, – остались мы с тобой одни, совсем одни. Моя мама, а твоя бабушка – умерла, Юра, твой отец, – погиб на фронте, да ещё о Иване, моём старшем брате, нет ни весточки. Как нам теперь жить!

– Мамоchка, мамочка, – лепетал маленький Саша обнимал её, и они плакали вместе.

Но, вот война окончилась, пришла долгожданная победа! В сорок пятом году они вернулись в Ленинград. С вокзала мать и сын поспешили к родному дому и долго стояли, словно в столбняке, возле развалин. От старого дома не осталось ничего, как говорится, даже камня на камне. Тогда их приютили какие-то знакомые, а потом дали комнату в коммунальной квартире на четыре семьи.

Ещё в Алма-Ате мама окончила бухгалтерские курсы (бухгалтера всегда нужны, а значит легко найти работу). Она, действительно, быстро нашла работу, а Саша пошёл в детский сад, затем в школу и время понеслось вскачь. Не успели оглянуться, как школа осталась позади, а он поступил в институт.

Ещё по возвращению из эвакуации, в один из выходных дней, Саша с матерью поехали на свою старую дачу. «Там, наверное, всё разбито, ничего не осталось,» – вздыхала мать в пригородном поезде. Но, она ошиблась. Домик выглядел облезлым, прохудилась крыша, забор завалился, но дача не сгорела, хотя в округе шли тяжёлые бои. Странно, что деревня, расположенная недалеко от дачного посёлка, почти вся выгорела, а вот дачи уцелели. Елена Александровна не поленилась, собрала нужные документы. Ей, как вдове, у которой муж погиб на фронте, полагались какие-то льготы. Она переоформила дачный участок на себя. Постепенно всё привели в порядок: у домика залатали крышу, поставили новый забор, посадили плодовые деревья, кусты смородины, крыжовника, малины. На свой участок они ездили нечасто, в основном в летнее время и даже не представляли какие тайны хранил их чудом уцелевший домик.

Вот теперь Александру предстояло разобраться с дядиными тайнами. Несколько вечеров он исправно просидел за найденными бумагами, но всё было написано как-то туманно и вопро-

сов появилось больше чем ответов. К тому же у Саша был очень занят: занятия в институте, курсовая работа и подготовка к предстоящей сессии – отнимали всё время. Какие тут скифские сокровища! Нужна была помощь. «А, что если рассказать про дядины дневники лучшему другу?» – подумал он. Такой дружок у него был и звали его Слава. Раньше они жили по соседству, ходили в близлежащую школу и учились в одном классе, но несколько лет назад Славкин отец получил повышение по службе и его перевели в Москву. Туда, следом за главой, переехали остальные члены семьи. Теперь Слава жил в столице и учился в Московском ВУЗе. Правда в Ленинграде осталась бабушка приятеля, к которой они иногда ездили.

Поэтому на следующий день Саша заглянул к старушке и узнал, что Слава должен приехать в ближайшую субботу. Он очень обрадовался такому известию, так-как и друга можно будет повидать, и пообщаться по поводу дядиных дневников. Славе он доверял как самому себе.

Как хорошо встретиться со старым другом, с которым всё детство бегал по двору, играл в казаки-разбойники и конечно же в войну. С тех пор они оба сильно изменились, вытянулись, возмужали, стали совсем взрослыми, уже давно брились по утрам, но старая дружба, действительно, «не ржавеет».

– Привет, как я рад тебя видеть! – воскликнул Славка, едва Саша появился на пороге квартиры бабушки Прасковьи.

– А, я как рад! – вторил ему Александр.

Они обнялись, по-мужски пожали друг другу руки. Конечно, Прасковья Ивановна сразу позвала Сашу отведать оладушков. Бабушки на то и бабушки, что в первую очередь спешат накормить внуков.

Пока они сидели за столом под круглым абажуром и уписывали за обе щёки бабушкины оладушки со сметаной, разговор шёл обычный, про всякие житейские вещи. Вспоминали свою школу и одноклассников, обсудили учёбу, ведь впереди экзамены и лишь потом заговорили о цели Сашиного визита. После ужина молодые люди удобно устроились в уголке, у окошка, там стояло старое кресло и большой фикус в горшке. Здесь им никто не мешал, и Саша поведал Славке про свою дачную находку.

– Понимаешь, я школьный курс по истории в общих чертах помню, но про скифов нам никто ничего не рассказывал. Мне не понятно, что это за царский курган такой и почему дядя Ваня так хотел его найти? – поведал он приятелю.

– Да, интересная история, – заметил Слава и добавил: – Кажется я смогу тебе помочь.

– Ты что стал историей интересоваться? Вроде бы, тоже на инженера учишься?

Славка искренне рассмеялся.

– Ну ничего от тебя не скрыть! Думал чуть позже рассказать, но придётся всё выкладывать начистоту. Дело в том, что совсем недавно я познакомился с одной девушкой. Её зовут – Тамарой. Мы в кино вместе ходили, на танцы и просто гуляли по городу.

– Ага, значит у тебя новая подружка! – пошутил Саша.

– Это не то, что ты подумал. Тамара не просто подружка, с ней всё серьёзно, мне кажется я встретил свою судьбу, – вдруг выпалил Славка и смутился. – Только смотри, пока никому ни слова. Это моя тайна.

– «Тайный жених», хоть на свадьбу то позовёшь? – пошутил Саша.

– Придёт время – позову, – улыбнулся Славка и добавил: – Сначала нужно институт окончить, чтоб на ноги встать, не хочется на шею родителям садиться.

– Тут я тебя поддерживаю, а как же скифы, твоя Тамара что, на историческом учится?

– Тамара учится в педагогическом, но не на историка, а будет учителем начальных классов. Но у моей Тамары есть подруга, её зовут Светой.

Саша невольно улыбнулся, новые имена в рассказе друга сыпались, как из рога изобилия, можно легко запутаться. Но Слава не обратил внимания на это и продолжил:

– Так вот у этой Светланы отец весьма необычный человек. Зовут Светкиного отца – Сергей Герасимович. Понимаешь, всю войну он прослужил в разведке. Был несколько раз ранен, одно ранение очень серьёзное, имеется контузия. Естественно, что после победы служить в армии он больше не мог и поэтому перешёл на преподавательскую работу. Сейчас он в Суворовском училище с мальчишками занимается, – добавил Славка. – Но, главное то, что Сергей Герасимович серьёзно увлекается историей. В свободное от работы время он самостоятельно занимается научными исследованиями. Правда, его больше всего интересуют малоизвестные факты из Великой Отечественной войны, но человек он весьма эрудированный и в отличии от официальной науки не такой костный. Кроме того, у него есть доступ в закрытые библиотечные фонды, а это очень важно.

– Сергею Герасимовичу можно доверить тетради дяди Вани? – спросил Саша.

– Думаю можно, – заверил приятеля Слава, – он человек надёжный.

– Тогда держи, я все бумаги принёс с собой, – сказав это он протянул другу толстую папку, найденную на даче.

– Слушай, тут скоро майские праздники, так приезжай ко мне в Москву, я познакомлю тебя с Сергеем Герасимовичем, его дочкой Светланой и с Тамарой.

– А, что это дело! Приеду, – согласился Саша.

Все эти несколько недель Александр с нетерпением ждал возможности побывать в Москве. Поначалу всё складывалось не в его пользу. В институте возникло множество проблем, но он постарался, поднапрягся и всё же в выходные дни выбрался в столицу.

На вокзале его ждал Слава. Москва встретила ленинградского гостя ярким солнцем и хорошей погодой. «Добрый знак,» – подумал про себя Саша. С вокзала они сразу отправились домой к другу. Славкина мама, заботливая, как и все мамы на свете, встретила Сашу угощением и расспросами про родной Ленинград. Саша и Слава дружили с первого класса, поэтому родители обоих мальчишек тоже были хорошо знакомы и с ребятами и друг с другом. Накормив гостя, она продолжила задавать вопросы, которые сыпались, словно из рога изобилия. Слушая её Саша понял, как сильно мать Славки скучала по родному городу на Неве. Немного отдохнув с дороги, приятели отправились в гости к Сергею Герасимовичу.

Саша сильно волновался, идя в гости к незнакомым людям. К тому же он доверил им свою семейную тайну. Провожая сына в Москву Елена Александровна всё вздыхала и на прощание сказала: «Если бы хоть что-то узнать о судьбе Ванечки, на сердце стало бы легче, а то столько лет в неведении. Формулировка „пропал без вести“ – ничего не говорит, а так хочется знать, что с ним произошло!»

Саша хорошо понимал маму, хотя у него самого не было ни брата, ни сестры. «Как здорово иметь старшего брата с которым было бы можно дружить и доверять самое сокровенное,» – иногда думал он.

Москва большой город, поэтому метро первый помощник в преодолении огромных расстояний. Благодаря метрополитену они добрались в район, где проживал Сергей Герасимович. На остановке их уже ждала Тамара.

Слава познакомил свою подругу с Александром.

– Вы молодцы, быстро добрались, – отметила Тома, – мы со Светланой уже созванивались, Сергей Герасимович человек пунктуальный и не любит опозданий.

Всей компанией друзья двинулись в сторону нужного дома. Нашли второй подъезд, поднялись на четвёртый этаж. Тамара нажала на звонок. Дверь распахнулась и перед молодыми людьми предстала юная девушка, просто настоящая красавица. От неожиданности Саша обомлел. Стройная с длинными светло русыми волосами, свободно распущенными по плечам, молодая хозяйка стояла перед ними и доброжелательно улыбалась.

– Заходите, мы вас уже ждём.

Все вместе они зашли в просторную прихожую.

– Познакомься, это Саша, он друг моего Славы, это его бумаги у твоего отца, – представила ленинградского гостя Тамара и тут же уже для Саши добавила: – А, это моя подруга Светлана.

Молодые люди познакомились, и девушка пригласила:

– Проходите в зал, не стесняйтесь.

Квартира у бывшего разведчика была отдельная, не коммунальная, что по тем временам было редкостью. Следом за Светланой они прошли в комнату, которую девушка назвала залом. Тут их ожидал сам хозяин. Они познакомились.

Внешне Сергей Герасимович был обычным человеком, ничем особенным не выделялся. Это был мужчина среднего роста, с военной выправкой. Его тёмных волос уже коснулась седина, правильные черты лица и небольшой шрам на левой щеке – такого можно встретить в метро и даже не подумать, какой необыкновенный человек сейчас находится перед тобой. Саша с особым интересом посмотрел на нового знакомого. Пожалуй, дело было не во внешности, а, как говорят, во внутреннем стержне. В Сергее Герасимовиче было то, что можно охарактеризовать, как надёжность. Такому человеку можно было довериться и смело пойти с ним в разведку. По крайней мере так показалось Саше.

Хозяин пригласил всех присесть и сообщил:

– Вы меня простите, но я рассказал о вашем деле одному моему знакомому. Он учёный – историк, мы случайно как-то познакомились в Ленинской библиотеке. Человек он весьма эрудированный, настоящий профессионал и не болтлив, что тоже важно. Много раз помогал мне в разных поисках, я то ведь я сам лишь любитель.

– Если хороший специалист, то пусть ознакомится с бумагами, – согласился Саша. – А, как зовут вашего знакомого?

– Евгений Викторович – ответил отец Светланы.

Как раз в это время раздался звонок в дверь, это подошёл последний гость, тот самый учёный-историк.

Он оказался весьма молодым, по крайней мере и Саша, и Славка ожидали увидеть более возрастного человека. Новый знакомый представился всем собравшимся и можно было начинать.

– Я затрудняюсь выбрать, что более всего может вас интересовать – произнёс Сергей Герасимович, – может быть у вас есть вопросы так задавайте, а я попытаюсь на них ответить.

– О! У меня вопросов миллион, – выпалил Саша. – Первый из них самый важный. Откуда у скифов могло быть столько золота?! Мы ведь знаем, что в Крыму нет золотых приисков, это же не Сибирь, так откуда же золотишко?

– А, что вопрос здравый, – согласился Сергей Герасимович. – Тогда, вам, молодой человек, я задам встречный вопрос: «Что такое Лидия, Мидия, Манна, Урарту, Ассирия?»

Конечно, Саша знал, что это такое. Лидия – женское имя. У них в классе училась девочка по имени Лида. Манна, а точнее манка – крупа, его самого в детстве кормили манной кашей. Мидии – такой моллюск, его Саша даже пробовал. Каждое лето маме на работе, для сына, давали путёвку в пионерский лагерь. Обычно это были лагеря где-то рядом, в Ленинградской области, а в один год дали путёвку в Крым. Мама очень волновалась, она никогда не отпускала его так далеко, но сам он был счастлив. Благодаря этой поездке Саша впервые побывал в Крыму, поплавал в Чёрном море, которое значительно теплее Балтийского. Ещё они подружились с местными ребятами. Во время «мёртвого часа» мальчишки потихоньку убегали из спального корпуса. В конце концов тогда им уже было по одиннадцать лет, не малыши, чтобы спать днём. Они пролазили через потаённую дырку в заборе и общались с местными ребятами. Последние как-то угощали их мидиями, которые сами наловили, а потом пожарили на костре, на металлической решётке. Мидии Саше не понравились.

Ассирия – это что-то из древности, из уроков истории.

Евгений Викторович осторожно улыбнулся, услышав такие объяснения, а Сергей Герасимович откровенно рассмеялся и добавил:

– Ответ неверный! Всё что я давеча перечислил это древние государства Закавказья и Передней Азии, именно их грабили скифы во время своих походов. Государства эти были очень богатые и скифы, после очередного набега, возвращались в родную Тавриду с немалой добычей.

– А, я добавлю, что скифы предпринимали и более дальние походы, – промолвил Евгений Викторович, – их войска достигали земель Древнего Египта и Палестины. Из этих странствий скифские воины тоже возвращались не с пустыми руками. Так фараон Псамметих Первый, чтоб избежать нападения скифских отрядов, откупиться от них невиданно богатыми дарами. В то далёкое время радио и газет не существовало, однако про богатые подношения египтян узнали и размер этих даров поразили многих. А, ещё был такой курьёзный случай. Царь Мидии пригласил скифских воинов, а главное их вождей на богатый пир. Скифы ничего не заподозрили и позарились на роскошное угощение. Они даже не обратили внимание, что сами хозяева к пище не прикасаются. Увы, еда оказалась отравленной и через какое-то время все, приглашённые скифы, пали мёртвыми после такого застолья.

– Как это вероломно! – воскликнула Тамара.

– Вероломно, но скифы ужасно надоели мидийцам своими набегами и это стало их ответом на разорения и грабёж последних, – ответил Евгений Викторович.

– Значит с этим вопросом разобрались, – подытожил Слава.

А, Саша искренне поразился знаниям своих новых знакомых. Сам то он из курса школьной истории по Древнему Египту помнил пирамиду Хеопса, да золотую маску Тутанхамона, фотография которой была на странице учебника.

– А, кто такие эти скифы? – вдруг задала вопрос Светлана.

– Тут есть разные версии и некоторые из них весьма любопытные, – сказал Сергей Герасимович и рассказал ребятам древнюю легенду.

– Великий греческий герой Геракл пас стада быков в районе Геракловых столбов. Прошу заметить, что это самый запад Европы. Быки сильно подъели траву, и Геракл решил сменить пастбище. Он сел в свою колесницу и погнал стадо на восток, да так разогнался, что перемахнул через всю Европу, и прибыл в Тавриду. Тут были обширные пастбища полные сочной зелёной травы. Естественно, что наш герой очень устал. Он завернулся в шкуру немейского льва и заснул богатырским сном. А когда проснулся – ни коней, ни колесницы, ни быков уже не было.

– Это же надо, увели у самого Геракла! – вдруг воскликнул Славка!

Все захихикали, а Сергей Герасимович как ни в чём не бывало продолжил:

– Огорчённый, Геракл отправился на поиски своей пропажи. Тут он умудрился быстро пройти всю степную часть полуострова и оказался в горном Крыму возле большой пещеры. Геракл вошёл туда и увидел прекрасную незнакомку.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я – Геракл, – представился герой.

– А, я змееногая богиня Апа.

По одной версии богиня Апа была полудевой, полужмеей, а по другой – у неё были вполне человеческие ноги, но очень длинные и тонкие.

Геракл рассказал Апе о своей пропаже и тут последняя призналась, что колесница, кони и стадо у неё. Апа была готова вернуть герою его имущество, но с одним условием: Геракл должен был стать мужем богини. Великий греческий герой подумал и согласился. Видно Апа ему приглянулась. Стали они жить вместе в пещере змееногой богини. Так в мире и согласии герои прожили несколько лет. Родила Апа от Геракла трёх сыновей. Всё бы хорошо, но настало время возвращаться Гераклу на родину.

Апа не нарушила условия договора. Вернула лошадей, колесницу, быков, но спросила: «Что ей делать с сыновьями, когда они вырастут?» Геракл подумал, подумал, а потом снял с себя пояс с золотой чашей и вместе с луком вручил возлюбленной. «Когда дети вырастут, то пусть примеряют мой пояс, а потом натянут мой лук. Тот, кто выполнит это – пусть останется при тебе, а того, кто не сможет это выполнить – отправь ко мне,» – ответил он.

Прошли годы. Дети Апы и Геракла возмужали. Тогда богиня выполнила наказ любимого. Она дала пояс отца сыновьям. Первым его примерил старший сын – Агафирс, но пояс был ему сильно велик. Затем пояс попытался надеть средний сын – Гелон, но и ему он не подошёл. Тогда пояс примерил младший сын – Скиф и он ему пришёлся впору. Дальше мать дала сыновьям лук и стрелы отца. Но ни Агафис, ни Гелон даже не смогли натянуть тетиву, такой тугой она была. И лишь Скиф легко натянул тетиву и метко выпустил стрелу. После этого испытания Апа отправила старших сыновей к Гераклу, а младшего провозгласила царём над этой землёй. Так от сына Геракла и богини Апы пошло славное скифское племя, поселившееся в степях Тавриды, где Геракл пас и потерял своё стадо.

Сергей Герасимович окончил свой замысловатый рассказ.

– Это что же такое получается? – возмутился Славка, – только за физическую силу тебе и почёт, и власть, а бедных Агафиса и Гелона с родных мест изгнали. Несправедливо!

– Такое время было, что в мужчинах физическая сила ценилась больше всего, – заметил Евгений Викторович.

– А, я вот что подумала, – сказала Светлана. – С одной стороны греки считали скифов – варварами, а с другой они происходят от их героя Геракла и получается были внуки их главного бога – Зевса, ведь Геракл в свою очередь сын Зевса.

– Согласен, – вздохнул Сергей Герасимович, – получается такой себе парадокс. Скифы по этой легенде в дальнем родстве с самим Зевсом. Но, это всего лишь легенда, хотя в ней отражены какие-то нюансы взаимоотношений греков со скифами.

– Скажите, а вообще возможно, чтоб в Крыму был такой уникальный курган, где бы хранились несметные сокровища? А ещё в дядиных бумагах что-то писалось про Грибоедова, но тут я совсем ничего не понял. Причём тут писатель?» – спросил Саша.

– Насчёт царского кургана вопрос сложный. Я бы сказал пятьдесят на пятьдесят. На территории Крыма найдено много скифских захоронений. Некоторые из них очень богатые и интересные, но такой уникальный курган до сих пор никто не нашёл.

А вот информация про Грибоедова стало открытием и для меня самого, – признался Сергей Герасимович. – Какой-то человек рассказал вашему родственнику, что Грибоедов был возле этого самого кургана и под впечатлением от увиденного написал стихотворение. Последнего в бумагах вашего дяди нет, и мы можем только гадать про этот стих, а вот о самом писателе я поднял информацию, и она меня крайне удивила.

В 1825 году Грибоедов посетил Крым. Его путешествие продлилось с 18 июня до 15 сентября. То есть фактически три месяца. И тут я очень зауважал нашего классика. В отличие от многих наших современных туристов, которые приезжают в Крым и весь отпуск валяются на пляже, писатель проявил любознательность и активно путешествовал по всему полуострову. Он прибыл в Симферополь, а уже оттуда делал свои вылазки в разных направлениях: он и в горы поднимался, и в пещеры лазил, а уж разные достопримечательности точно не обделил своим вниманием. Но, самое главное, во время своего путешествия он вёл подробнейший дневник. В нём Грибоедов точно по дням описывал все свои приключения. Этот дневник будет опубликован всего один раз в журнале «Русское Слово» в 1859 году, то есть через тридцать лет после трагической гибели писателя под названием «Дневник о Крыме». Так вот, что удивительно, последняя запись в дневнике датируется 12 июля и всё, далее полная тайна. Дневник обрывается на самом интересном месте, это по времени – середина крымского путешествия

и о дальнейших приключениях автора нам ничего не известно! Тут естественно возникает вопрос: «Почему?»

– Если человек ведёт подробный дневник своих странствий, то это особая черта характера, – заметил Евгений Викторович, – такие люди просто так свои заметки не оставляют.

– А, может быть писатель столкнулся с чем-то особым, что сильно его потрясло, произвело впечатление, но писать об этом было нельзя. Вот он и бросил свои заметки. Писать о другом, менее важном было уже не так интересно, а о впечатлившем – запрещено! – вдруг высказала своё предположение Тамара.

До этого она совсем тихонько сидела возле Славки и подруги Светы.

– Правильно! – поддержал девушку Сергей Герасимович, – я тоже о таком подумал.

– Возможно этим особым впечатлением и стал царский курган! – сказал Саша.

– Вполне возможно! – согласился Сергей Герасимович.

– Ребята, я думаю нам нужно отправится в Крым и разгадать эту тайну! – выпалил Слава.

– А, мне бы хотелось отыскать след моего пропавшего дяди, – добавил Саша.

– Да, найти такой курган – стало бы открытием века! – согласился Евгений Викторович.

– Так почему бы этим летом, после сдачи сессии, нам не отправится в Крым? – предложила Светлана, поддерживая Славкину идею.

По вдруг возникшей паузе она поняла, что и остальные подумали о том же.

– Только, ребята, во-первых, давай будем на связи друг с другом, а во-вторых нужно провести предварительные исследования, – заметил Сергей Герасимович. – Так как Александр живёт в Ленинграде, то именно ему придётся сходить в университет и разузнать всё о пропавшей экспедиции профессора Томилина: цели, задачи, состав группы, информацию о родственниках, участников поездки в Крым, тогда в сорок первом году, да и многое другое.

– Есть, – вдруг по-военному ответил Саша.

– Евгений Викторович пусть поработает в архивах и соберёт всю информацию о научной деятельности профессора Томилина. Иногда какие-нибудь публикации в научных изданиях, темы его исследований – окажут неоценимую помощь в наших поисках.

Евгений Викторович в знак согласия молча кивнул головой.

– А, я буду координатором нашей группы и ещё раз просмотрю этот архив, иногда незначительные на первый взгляд мелочи, на проверку оказываются очень важными, но это сразу определить сложно, – подвёл итог всей беседы Сергей Герасимович.

Мать Светланы уже с нетерпением ожидала конца их «заседания». Она испекла сладкий пирог и пригласила гостей к чаю. Тут же достали скатерть, чайный сервиз и с удовольствием завершили приятную беседу вкусным чаепитием. После чего гости распрощались с гостеприимными хозяевами.

Евгений остался, ему нужно было обсудить ещё какой-то вопрос с главой дома, а Светлана отправилась вместе с ребятами прогуляться по праздничной Москве. Город по случаю Первомая был украшен яркой иллюминацией, люди не сидели дома, а вышли на улицы и проспекты столицы, ах как красиво было кругом.

– Ребята, а я вдруг вспомнила, что летом у меня будет практика. Я поеду в Крым только работать вожатой в пионерский лагерь, – с грустью произнесла Тамара.

– Тома, Крым не такой уж и большой, а раз мы тоже там будем, то постараемся информировать тебя о наших поисках, – нежно обнял за плечи свою подругу Слава.

Прогулявшись по улицам Москвы ребята проводили девушек домой.

На следующий день Славка посадил Сашу на поезд идущий в Ленинград, нужно было возвращаться к учёбе. Впереди маячила летняя сессия и лишь потом можно было мечтать о поездке в Крым.

Домой он возвращался на верхней полке плацкартного вагона, с билетами была проблема. Саша делал вид что спит, крутился с боку на бок, но сон не шёл. Всё это время его

мысли крутились вокруг будущей поездки в Крым, а ещё вокруг дочки Сергея Герасимовича. Образ девушки преследовал и не отпускал: «Ах, какая она!» Саша не ожидал от себя такого. Совсем недолгое знакомство, а он всё время невольно думает о ней. Потихоньку он понял, что это совсем никуда не годится и попытался взять самого себя в руки. Возможно у этой Светланы есть парень, с которым она встречается. Девушка училась в МГУ, изучала иностранные языки: английский, немецкий и французский, ну что ей до скромного паренька из Питера (так коренные ленинградцы по старинке называли свой любимый город). А ещё вечером Славка рассказал, что до знакомства с Тamarой, которая представила ему свою лучшую подругу, он видел Свету на студенческих соревнованиях. Ещё со школы Славка хорошо бегал на короткие дистанции и теперь защищал честь родного Политехнического института. Светлана же с детства занималась художественной гимнастикой, вот откуда у неё была такая стройная и подтянутая фигура. Теперь на студенческих олимпиадах она представляла свой университет. «Красивая девушка не спору, – сказал о ней приятель, – но моя кареглазая Тamarочка мне милее». А вот Саша, кажется, увлёкся голубоглазой красавицей, да только будет ли от этого увлечения какой-то прок?! Только молодость тем и прекрасна, что в головах юношей и девушек меньше всего прагматических мыслей, молодость живёт чувствами. И потому, как не уговаривал он самого себя, хотя бы на время, позабыть новую знакомую, тем сильнее ему хотелось быть поближе к ней, возможно даже подружиться.

Правда, про эти мечты он не стал бы никому рассказывать, даже своему лучшему другу Славке.

5

Разлука

Этот оригинальный поэт – Валентин писал о том, что может быть восемнадцатый год разрешит все проблемы, которые принёс злополучный год семнадцатый. Да, так думали многие. Но с каждым днём жизнь становилась всё труднее и труднее, усугубляя сложившуюся ситуацию. В Петроград пришёл голод.

Иван Александрович вывез мать и младшую сестру к дальним родственникам, подальше от голодного Питера, а сам решил вернуться домой. Мать, конечно, плакала, умоляла сына остаться с ними, но он не мог так поступить, ведь в Петрограде осталась Маша. «Мамочка, всё будет хорошо, я приеду за вами если обстановка улучшится, а пока не волнуйся за меня,» – промолвил он напоследок.

Вернувшись в город Иван Александрович первым делом отправился к невесте. Всё обратную дорогу на душе у него было тревожно и неспроста. Для волнения были свои веские причины.

Дело в том, что у Марии Сергеевны был старший брат – Анатолий Сергеевич. В своё время молодой человек учился в том же Петербургском университете, на юридическом факультете. С началом войны 1914 года Машенькин брат оставил учёбу и отправился добровольцем на фронт. Мария Сергеевна много рассказывала Ивану Александровичу о своём брате.

Анатолий принадлежал к тем молодым людям, которые были настроены весьма патриотически. «За царя и отечество!» – был его любимый девиз. Перед отправкой сына на фронт в доме Машенькиных родителей собрались гости. Было сказано много тостов и пожеланий: о победе русского оружия, о смелости и доблести, храбрости русского солдата. Конечно, поднимались тосты за царя и отечество. Трогательные и светлые слова произнёс сам отец семейства – Сергей Сергеевич. Он говорил о том, что гордится таким сыном и его друзьями, желал им всем вернуться домой с победой!

Анатолию очень шла офицерская форма. Даже не верилось, что ещё вчера он был обычным студентом. Было полное ощущение, что молодому человеку следовало выбрать для себя

военную стезю. Полный оптимизма он отправился на войну. Мать, отец и сестрица Машенька остались ждать писем, молиться и писать на фронт ответы. Сначала письма от брата приходили регулярно, их тон был оптимистичный. Шло время, Российская империя увязла в мировой войне, словно в липкой смоле. И выбраться никак нельзя, и делать с этим что-то нужно, так как события в своей стране становились всё сложнее и сложнее. Письма от Анатолия стали приходиться реже и реже, а потом их совсем не стало. Вся семья замерла в напряжении, маменька (так её называла Маша) целыми днями простаивала на коленях перед иконами, она подолгу молилась. А, в январе семнадцатого года пришло сообщение из госпиталя. Анатолий был там и жизнь его висела буквально на волоске.

Одной из страшных страниц Первой Мировой войны стало использование газов против войск противника. Противогазов в войсках не хватало, да и были они далеко не совершенны. В такую газовую атаку попал и Машин брат. Молодой человек буквально чудом остался жив. В очень тяжёлом состоянии он поступил в госпиталь, где ему удалили часть лёгкого. Врачи сделали всё что смогли. Отец приехал забрать сына домой, сам тот не смог бы добраться в Петроград. Если на войну уходил бравый красавец, то домой вернулся измученный, инвалид. Матушка чуть не потеряла сознание, когда увидела любимого сыночка, хорошо Маша была рядом и поддержала её. Началась борьба за здоровье Анатолия. Всё остальное отошло на задний план. Даже такие события как-то, что Маша окончила гимназию с золотой медалью, а потом поступила в университет – даже это не изменило тяжёлую домашнюю атмосферу.

Иван Александрович, когда встречался с невестой, расспрашивал её о здоровье брата. Он делал это искренне, сочувствуя молодому человеку, а не просто, из стремления завоевать симпатию у своей невесты. Девушка всегда делилась с Иваном семейными новостями:

– Опять доктора приглашали. Анатолию было очень плохо. Врач сказал, что сырой климат Петрограда не подходит лёгочным больным. Советует везти его на юг. У нас в Крыму живёт мамина двоюродная сестра. Мы давно с ней не виделись, только переписывались. Пару лет назад она овдовела и теперь живёт одна. У неё небольшое имение на Южном берегу Крыма. Матушка написала ей письмо, но ответа всё нет и нет.

– Время непростое, но почта работает, – успокаивал он свою невесту.

Теперь же, по возвращению в родной Питер, Иван Александрович не заходя к себе домой, сразу с вокзала отправился к дому Марии Сергеевны. Всю обратную дорогу его мучило какое-то волнение, а ещё не покидали мысли о том, что семейство Маши могло уехать в Крым.

Оказавшись на месте он долго звонил, но никто не открывал ему дверь. Совсем отчаявшись он стал стучать. Наконец послышались какие-то шаги, и он услышал голос горничной:

– Кто там?

– Это я, Иван Александрович, жених Марии Сергеевны, откройте!

Дверь заскрипела, открылась и он зашёл в прихожую. Вроде бы тут ничего не переменялось, но он сразу почувствовал какую-то беду.

– Уехали господа, – объявила заспанная горничная, – буквально вчера по утру отправились на вокзал. Всю прислугу заранее распустили, вот я одна лишь осталась, да и то завтра к себе в деревню поеду. Господ нет, так чего мне тут делать?!

Вот оно что, предчувствие его не обмануло!

– Может быть мне какое-нибудь письмо оставили? – спросил он.

– Ой, и правда! Барышня вам письмо написала.

Горничная принесла конверт. Иван Александрович не стал ждать, он тут же распечатал и прочитал прощальное Машино послание:

«Иван Александрович, – начала она. – Нет, не так. Ваня, мой милый Ванечка! От тёти пришло письмо. В нём она сообщает, что рада принять нас у себя, вот мы и уезжаем. Тут ещё подоспела какая-то оказия, медлить было нельзя, поэтому собирались быстро, впопыхах. Правда, папа уверен, что к осени все эти безобразия окончатся, большевики уйдут и к концу

лета мы воротимся в Петроград. Так что в сентябре я вновь окажусь в университете и приступлю к занятиям, ну поживём – увидим! Самое тяжёлое для меня – это разлука с Тобой! Я Тебя очень люблю и мечтаю лишь об одном – встретится и больше никогда не расставаться! Твоя Маша».

Иван Александрович несколько раз прочитал это короткое послание, на душе у него было тяжело. Всё-таки он взял себя в руки, распрощался с горничной и поспешил в свою пустую и холодную квартиру.

Жизнь в Петрограде была непростая, лишь к концу лета он сумел выбраться к своим. Он застал их в полном здравии, чему несказанно был рад. А уж как была счастлива Софья Иннокентьевна! Она со слезами бросилась на шею сыну.

– Вернулся голубчик мой, а я уж не знала, что и думать! Какой же ты небритый, осунулся, похудел, писем нет, лишь одни волнения.

– Ах, полноте маменька, у меня всё в порядке. Дорога к вам была тяжёлая, но это нестрашно. Одна беда, Машенька с семьёй в Крым подались, даже проститься с ней не успел. Только прощальное письмо от неё и осталось.

– Может быть скоро всё успокоится? Начнётся прежняя жизнь? – спросила Софья Иннокентьевна.

– Не думаю, мама. Большевики пришли в серьёз и надолго. Да, кстати, я недавно общался с Кони, – вдруг сообщил Иван Александрович.

– Как! С тем самым Кони, с сенатором?! – изумилась Софья Иннокентьевна.

– Матушка, с бывшим сенатором: революция упразднила сенат.

– Где же вы могли познакомиться?

– Мне предложили читать лекции по истории перед моряками Балтийского флота. Я не отказался. Во-первых, за это дают паёк, скромный, но всё же. Во —вторых, это моя работа, всё лучше, чем сидеть дома. Ещё мне дали на целый месяц талоны, посещать обеды в столовой, где питаются работники разных наркоматов, служащие Смольного. Обеды без изысков, но неплохи и весьма питательные. Так вот Анатолий Фёдорович Кони тоже читает лекции матросам Балтийского гвардейского экипажа. К моему удивлению он принял революцию. Человек весьма почтенного возраста, но полон энергии: сотрудничает с советской властью, много пишет, читает лекции. Мы тут давеча проговорили несколько часов. Для меня это оказалось делом весьма интересным. Конечно спорили, вспоминали разные события Российской истории. Я во многом изменил своё мнение на происходящее, ведь по сути я никогда не знал жизни простого народа. Да, мы не были богачами, после смерти батюшки даже пришлось продать наше имение, но всё-таки жили без нужды. А как жил наш народ: крестьяне, рабочие? Я раньше об этом просто не задумывался. Эмигрировать я не хочу! Я то знаю, как жить на чужбине, ведь несколько лет сам жил и учился в Германии. Бывало такая тоска возьмёт, причины для печали нет, а всё душу выворачивает. Но тогда я в любой момент мог домой вернуться, а для эмигранта – все пути отрезаны. Будем жить тут, в России, а там будь что будет!

6

Новая жизнь

Прошло время, Иван Александрович забрал мать и сестру обратно в Питер. Но, это был уже другой Петроград, и сама жизнь переменялась до неузнаваемости. Младшая сестра вернулась к учёбе. Только теперь женская гимназия стала школой имени «Третьего интернационала». В ней стали учиться вместе мальчики и девочки.

– Ах, какое безобразие, – вздыхала Софья Иннокентьевна, – моя дочка будет учиться вместе со всякими босяками!

– Мама, мир переменялся и к этому надо привыкнуть. Между прочим, кроме нашей Леночки там ещё много девочек – прежних учениц, а ещё остались старые педагоги, – успокаивал маму Иван Александрович.

В их старом доме тоже произошли перемены. Теперь большие квартиры превратили в коммунальные, комнаты разделили между новыми жильцами. Но, им повезло, как преподаватель университета, наконец он вернулся в ВУЗ, Иван Александрович имел право на дополнительную жилплощадь. Они остались в своей квартире, только им оставили две комнаты, кухню, ванную и санузел, а остальные комнаты перешли в соседнее коммунальное жильё. Управдом прислал каменщика, и он лихо заложил проход с одной стороны и коридор с другой. Новую кирпичную кладку заштукатурили, а потом покрасили, да так, что и не поверишь, что там были другие комнаты.

По окончании гражданской войны в университет пришли новые студенты: кто-то в лаптях, а кто-то в солдатских шинелях, прямо с фронта. Их уровень знаний был весьма низок. Седовласые педагоги хватались за головы от таких студентов, но Иван Александрович взялся за дело с оптимизмом. Просвещать народ – в этом он видел своё призвание, однако это оказалось делом непростым. Иногда прямо на ходу приходилось перестраивать учебный процесс, по-новому строить занятия, ведь новоиспечённые студенты не имели за плечами гимназий с их глубокими знаниями, обязательным изучением латыни и древнегреческого языка. Нелёгким испытанием для педагога и студентов стала первая сессия.

Он ввёл новшество в экзаменационный процесс. Теперь все студенты сразу заходили в большую аудиторию, рассаживались, а потом по очереди и по старинке тянули билеты, готовились, а отвечать выходили к доске. Отвечали не только педагогу, а перед своими же сокурсниками. Новым студентам это нравилось. Хотя и тут всё было непросто, были свои недовольные.

– Ух, контра, да я их всех на чистую воду выведу! – яростно ругался студент, одетый по-военному.

– Это кто это – контра?! – возмутилась молоденькая девчонка, тоже в старой застиранной гимнастёрке и красной косынке. – Сам к экзамену не подготовился, а виноватых ищешь!

– Это мне – будёновцу, орденосцу и «неуд» за экзамен! – не унимался студент-неудачник.

– Так, что ты про Нерона рассказал! – рассмеялась всё та же студентка.

– Сама всё слышала, – огрызнулся тот. – Сказал, что Нерон – император, гад последний и «контра», его надо было к стенке поставить, а что ещё тут сказать?

– И это по-твоему ответ на экзамене!? Правильно Иван Александрович тебе «неуд» вlepил, сам заслужил, заниматься нужно. Я вот тоже с гражданской войны пришла, но ведь серьёзно к учёбе отношусь. Ты сам слышал, как я отвечала про спартанцев и свою пятёрку честно заработала.

К переменам пришлось привыкать и преподавателям, и студентам.

В начале тридцатых годов Ивану Александровичу выдали участок земли под дачу. Дачи выдавали всему профессорско-преподавательскому составу университета. Молодой профессор был очень счастлив. Он пропускал мимо ушей замечания Софьи Иннокентьевны, что мол шесть соток – это просто какие-то крохи, вот раньше у них было имение, так это был, действительно, настоящее «дворянское гнездо»: приличный участок земли, барский дом, а не то что нынче дали.

– Мамоchка, про старое нужно забыть, а новый участок очень хороший. Я постою на нём небольшой домик, а вокруг посадим садовые деревья, кустарники, разведём цветы.

– Ах, делай как знаешь, – вздыхала Софья Иннокентьевна.

Правда один раз они всё-таки повздорили. Иван Александрович решил отвести на дачу часть мебели.

– Ваня, что тут происходит? – спросила Софья Иннокентьевна, увидев, как приглашённые сыном рабочие, что-то выносят из его комнаты.

– Мама, я хочу увести на дачу это старое «бюро», – ответил тот.

– Но это же папино «бюро»! – возмутилась мать.

– Мамоchка, оно очень громоздкое и занимает много места. В моей комнате из-за него не повернуться.

– Это папино «бюро», – упрямо повторила мать. – На даче мы бываем редко и его украдут.

– Сделать это весьма непросто. Оно такое тяжёлое и большое, что несколько рабочих еле с ним справляются. Сейчас на даче достраивается дом, так мы его поднимем на чердак, а потом всё заделаем. Чердачный люк попрошу сделать небольшим, так что вытащить «бюро» будет просто невозможно.

Софья Иннокентьевна ничего не ответила сыну, но ещё несколько дней дулась на него. Зато, когда дачный домик был готов, они с удовольствием стали ездить на природу, отдыхать от городской суеты. И пусть дача не могла сравниться с бывшим имением, но в новой реальности и это было неплохо!

Младшая сестра Ивана Александровича – Леночка окончила школу. Естественно брат рекомендовал ей поступить в университет. Теперь женщины имели равные права с мужчинами и могли учиться где только пожелают, но вот у Елены такого желания не возникло.

– Я не знаю, на кого бы мне хотелось учиться, – заявила она.

– Что же ты собираешься делать? – поинтересовался брат.

– Пойду работать.

– Кем?

– У меня за плечами десятилетка, а это немало! Мне уже порекомендовали пойти в конструкторское бюро чертёжниц. У меня в аттестате по черчению стоит «отлично» и мне это очень нравится. К тому же я хочу быть самостоятельной, а не сидеть на шее у старшего брата, – заявила она.

– Моя шея выдержит вас обоих: и маму, и тебя! – возмутился Иван, – но я не против того, чтоб ты пошла на работу в КБ. Посмотришь, может быть понравится и выучишься на инженера. Теперь инженерами работают и женщины.

– Я о том же! – подхватила сестра. – Я мечтаю найти своё место в жизни, а учиться лишь бы получить диплом – не хочу!

В этом Иван Александрович полностью поддержал сестру. Инженером Леночка так и не стала, зато встретит в КБ свою любовь. Её судьбой окажется молодой инженер, попавший в то же конструкторское бюро по распределению после института. Звали его Юрием. Так как молодой инженер был неместным и жил в общежитии, то после свадьбы он переехал на жилплощадь своей супруги. Пришлось Софье Иннокентьевне потесниться и выделить часть комнаты для дочери и зятя. Правда, это произойдёт нескоро, а только в тридцать восьмом году.

7

Мария Сергеевна

Дорога в Крым для Машенькиной семьи оказалась нелёгкой, но оно того стоило. Какой тишиной и спокойствием веяло в тётушкином имении. Когда они наконец добрались туда, то их радости не было предела.

Южный берег Крыма славился своим мягким климатом и яркой, напоминающей Лазурный берег красотой. В девятнадцатом веке, словно грибы после дождика, на Южном берегу стали появляться дачи русской знати. А, после того, как императорское семейство обосновалось в Ливадии, престиж этих мест поднялся просто до небес. Князья, графы, не столь титулованное дворянство – приобретали участки земли и возводили свои дома, более похожие на ска-

зочные дворцы. К началу двадцатого века эти места облюбовали промышленники и богатое купечество. Их роскошные дачи ничем не уступали дворцам аристократии, а иногда и превосходили их своей пышностью и богатством.

Имение тётушки было небольшим по размеру, но очень милым. Дом -каменный двух-этажный, при его строительстве известный в Крыму архитектор использовал сразу нескольких стилей, но это не вызывало дисгармонии, а наоборот, дом выглядел так, словно явился миру из старой доброй сказки, он весьма гармонично вписался в местный ландшафт. Небольшой парк, ведущий прямо к пляжу, тенистые аллеи, укромная беседка и обзорная площадка с превосходными видами на море – всё это создавало особую атмосферу южнобережного поместья.

Аделаида Христофоровна была доброй женщиной и гостеприимной хозяйкой. Внешне непримечательная: невысокого роста, немного полноватая с круглым лицом, возможно поэтому она не любила светский блеск Петербурга, предпочитая тихую и уединённую жизнь в Крыму. Пожалуй, весьма интересными у неё были глаза, даже не сами глаза, а их взгляд: ласковый, добрый, да неспешная успокаивающая речь. Тётя вполне удачно вышла замуж за весьма состоятельного человека, хотя и значительно старше себя. Почти четверть века они прожили душа в душу, но вот супруга не стало. Овдовев она заскучала в своём крымском оазисе и была несказанно рада появлению в её доме, пусть и дальних, но всё же родственников.

– Аделаида, ну вот мы и на месте! – от радости заплакала маменька.

– А, я уже давно вас жду, комнаты подготовила, волнуясь, так беспокойно стало, – тоже сквозь слёзы радости, сообщила тётя.

– Как у вас обстановка? – поинтересовался Сергей Сергеевич, Машенькин отец.

– Да, слава богу, у нас всё тихо. А вот в Севастополе в семнадцатом, ой что творилось! – поведала Аделаида Христофоровна. – Матросы восстали против офицеров, начали убивать своих командиров, говорят столько народу погибло!

Обе женщины и мать, и тётушка тяжело вздохнули и перекрестились.

– Ну, что это мы о грустном, – первой опомнилась хозяйка дома. – Прошу располагаться. Вам непременно надо отдохнуть после дальней дороги, а после приглашаю к столу. Чем богаты, тем и рады!

Так началась их неспешная крымская жизнь. Анатолию на юге, действительно, полегчало. То ли морской воздух с ароматом йода и соли, то ли особый микроклимат Южного берега Крыма, наполненный запахом сосны, кипарисов и можжевельника, но молодой человек, явно пошёл на поправку.

Брат и сестра полюбили утренние прогулки. Их путь лежал от тётушкиного дома к пляжному берегу, а потом обратно. По дороге они беседовали, обсуждали разные темы и восхищались крымскими красотами:

– Посмотри, Машенька, какое чудо! Впервые такое вижу? – воскликнул брат.

– Это магнолия, – пояснила сестрица.

– Наверное, такие цветы должны расти в раю! – не унимался молодой человек.

– Да, цветок необыкновенный, – согласилась она.

Они шли по узкой дорожке, ведущей вниз, прямо к морскому берегу. Вокруг цвели цветы, чуть покачивались ветки экзотических деревьев, совсем непривычных для глаза петербуржца – северянина.

– Я наблюдаю за тобой последнее время, ты что-то такая грустная, – заметил брат.

– Я скучаю по Ивану, – ответила она. – Знаешь, а мы с ним мечтали, чтоб вот так поехать в Крым, в научную экспедицию, на раскопки древних курганов, искать скифское золото. Только эта революция всё испортила, все планы разрушила. Если бы ты только знал, как Ваня интересно рассказывал о древности, о забытых цивилизациях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.